

В. Н. ПЧЕЛИНЦЕВ

Особая миссия

<Фрагмент>

<...>

Короткая заминка у узорчатых дверей. Иван Михайлович обернулся, внимательно оглядел нас, как бы давая время прийти в себя перед решающим моментом, и, слегка пригладив ладонью свои волосы, снова повернулся к дверям. Два солидных служащих с легким поклоном широко раскрыли двери и пропустили нас вовнутрь большого прямоугольного зала под высоким потолком. Вдоль всей левой от входа стены шли высокие стрельчатые окна, создававшие иллюзию большой оранжереи. Видны две двери, как оказалось, ведущие в комнату отдыха премьера и в зал заседаний парламента. Между дверьми — огромный беломраморный камин. Около него на некотором удалении полукругом стоят несколько мягких кресел. В самом центре зала небольшой стол.

Все это я «сфотографировал» единым взглядом, прежде чем заметил, как от камина к нам, нарочито неторопливой походкой, направился плотный, коренастый, слегка сутуловатый мужчина с дымящейся сигарой в углу большого рта. Черчилль? Да, это был он. Черчилль подошел к Ивану Михайловичу, слегка кивнул, как давнему знакомому, изобразил на лице нечто вроде улыбки, пожал ему руку и тут же заговорил, жестикулируя рукой. Мы стояли немного поодаль, не спуская глаз со знаменитого премьера. Массивная круглая голова на короткой, бычьей шее и широких, крутых плечах. Короткие, рыжеватые с золотистым отливом волосы редкой щетиной пробивались на голове. Лицо обрюзгшее, со свисающими щеками, и слегка навывкате, округлые, серые глаза.

— Позвольте, господин премьер-министр, представить вам гостей Великобритании, трех молодых людей из Советского Союза.

Премьер повернул голову, насколько позволяла ему это сделать короткая шея, и сделал шаг в нашу сторону. Мы поняли, что и нам пора сделать встречное движение. Увидев подходившую к нему женщину в военной форме и ее улыбку, Черчилль нехотя вынул изо рта сигару и подал Людмиле руку.

— Леди Павличенко!.. Мистер Черчилль! — сказал Майский, представляя Людмилу и премьера друг другу.

— Как вам понравилась Великобритания?.. Не тяготят ли вас наши туманы?

— Спасибо, мы довольны, что прибыли на землю нашего союзника в войне. А туманы нам не мешают. Это хорошая маскировка от врага, и вражеская авиация в такие дни беспокоит меньше.

Выслушав Людмилу, Черчилль повернулся к Николаю, следуя жесту Майского:

— Мистер Красавченко, лидер делегации, — легкий кивок головы с зажатой в зубах сигарой и небрежное, несколько снисходительное рукопожатие.

— Не трудно быть руководителем у такой очаровательной леди? — полушутя спросил Черчилль.

— Леди Павличенко, мистер Черчилль, сама руководит нами. И в Америке, и здесь у вас, в Великобритании, люди уделяют в основном внимание ей. Поэтому ей приходится работать за всех нас.

Черчилль вновь изобразил некоторое подобие улыбки, когда Иван Михайлович перевел сказанное Николаем.

— А это, господин премьер, наш самый молодой гость — лейтенант Пчелинцев.

Мощная туша английского премьера развернулась в мою сторону. Свинцовые глаза из-под нависших бровей уперлись в мое лицо, подавляя, гипнотизируя, завораживая. Уинстон Черчилль молча, упорно, с хмурым любопытством разглядывал меня, не торопясь протянуть руку.

Мне показалось, что пауза неприлично затянулась. О чем мог думать Уинстон Черчилль в этот момент? Может быть, форма командира Красной Армии с красными петлицами на вороте френча, с золотыми шевронами на рукавах напомнила ему что-либо из прошлого в его биографии? Например, те годы, когда он силой оружия пытался сокрушить нашу молодую Красную

Армию, олицетворение которой теперь, через четверть века, он вновь видел в моем мундире.

По лицу премьера пробежала легкая тень, одно веко дернулось. Из ноздрей вырвался клуб пахучего сигарного дыма. И тут я увидел протягиваемую мне для рукопожатия руку. Я попытался не сильно, но все же пожать протянутую мне руку и ожидал ощутить ответное движение пальцев. Ведь оно и называется рукопожатием, а не «рукокасанием». Но пальцы мои ничего не ощутили, кроме сплошной бескостной мякоти.

— Лейтенант очень молод, но, я вижу, он уже отмечен вашей высшей наградой, — сказал Черчилль Майскому и, снова повернувшись ко мне, спросил: — За какой же подвиг дал Сталин вам эту награду?

Я понял суть вопроса, но из вежливости дождался перевода сказанного Иваном Михайловичем.

— За участие в боях за Ленинград, господин премьер-министр.

Я не стал развивать свой ответ, так как понимал, что вопрос задан из вежливости.

<...>

